

П. П. Семенов

Живописная Россия

Том 7 Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
С30

С30 **Семенов П.П.**
Живописная Россия: Том 7 Часть 2 / П. П. Семенов – М.: Книга по Требованию,
2013. – 309 с.

ISBN 978-5-518-03776-2

Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, пле-
менном, экономическом и бытовом значении. Том 7: Центральная Черноземная
и Донско-Каспийская степная области. Часть 2: Донско-Каспийская степная
область

ISBN 978-5-518-03776-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

находятъ, на разстояніи 214 сажень, въ размѣръ 0,23 саж. на персту; мѣнѣе же паденія, встрѣчающійся на всемъ протяженіи рѣки очень часто, бываетъ такъ малъ, что, по словамъ

Видъ на Дону.—Картина профессора Ласерю.

наблюдателя, „не могъ быть даже открытъ нивелировкой“. Ясно, что Донъ вполне оправдываетъ названіе „тихаго“ *).

Живое сѣченіе рѣки подвержено значительнымъ колебаніямъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, площадь живого сѣченія въ наибольшемъ предѣлѣ достигаетъ 350 квадр. саж.; въ дру-

*) Наименьшая скорость теченія Дона—0,18 саж. на фертатерѣ; не на фертатерѣ-же—ниогда *вообще нѣтъ теченія*.

гих мѣстахъ, въ наименьшемъ предѣлѣ — 45 кв. саж. Почти между этими-же предѣлами колеблется и ширина Дона: то она достигаетъ 250 саж. — ровно полувѣрсты, то суживается до 60 саж. Тѣмъ-же колебаниямъ подвержена и глубина рѣки: высшій ея предѣлъ—3 саж., низшій—0,3 саж.; но въ иныхъ мѣстахъ глубина Дона достигаетъ 5 и даже 10 саж., какъ это замѣчаютъ между станицами Каргальскою и Романовскою. Между этою разнообразною глубиною рѣки и величиною уклона наблюдатель замѣчаетъ строгую зависимость: такъ, въ той части рѣки, гдѣ болѣе пологій уклонъ, глубина замѣчается большая чѣмъ въ той, гдѣ уклоны круче. И вотъ при этихъ-то крупныхъ уклонахъ встрѣчаются такъ-называемые „перекаты“—мели, затрудняющія пароходство: въ этихъ мѣстахъ вода рѣки какъ-бы „перекатывается“ черезъ приподнятое дно. Такихъ „перекатовъ“ между Калачомъ и Марининскою станицею насчитываютъ 29.

Большая часть праваго берега Дона гориста; есть мѣста, гдѣ обрывы достигаютъ 30 саж. высоты—и эти-то мѣстности наиболѣе красивы. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ русло рѣки приближается къ этимъ крутымъ берегамъ и вода своимъ теченіемъ какъ-бы подрѣзываетъ берегъ, замѣчаются обвалы въ рѣку выштригившихся скалъ известняка; а въ иныхъ мѣстахъ горы, что-называется „сплозаютъ“ въ Донъ и иногда увозятъ съ собою въ рѣку части селеній, расположенныхъ у берега.

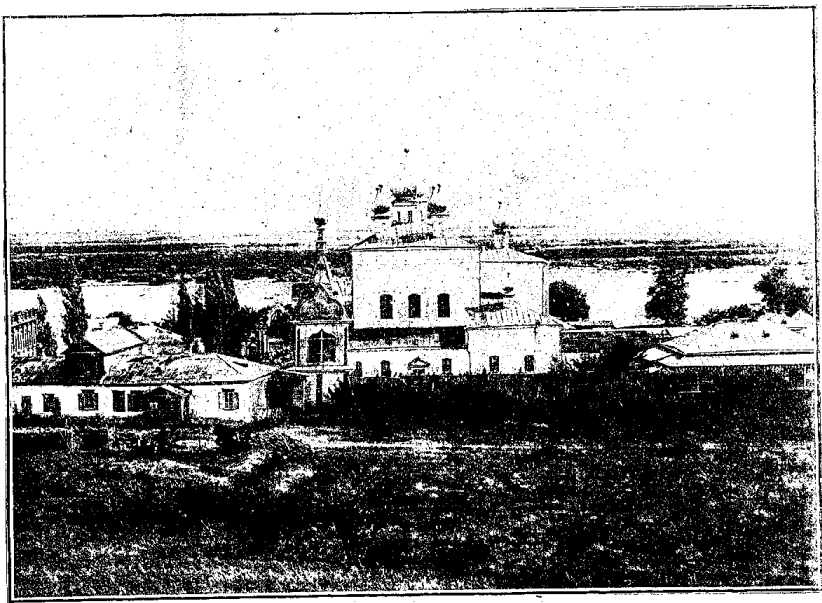
До послѣдняго времени выше Усть-Медвѣдицкой станицы, недалеко отъ монастыря, стояла небольшая часовня, наполненная человеческими костями. Часовня эта находится у самаго Дона, а надъ ней, немного отступя, возвышается обрывистый берегъ, сажень въ 30 высоты. Этого-то берега, т.-е. ближайшаго къ Дону часть горы, говорить, сползла когда-то въ Донъ и частью увлекла съ собою въ рѣку, частью разрушила находившійся на склонахъ этой горы женскій монастырь. Человѣческія кости, сохраняющіяся въ упомянутой часовнѣ,—это кости черницъ, погибшихъ во время „сплозанія“ въ Донъ горы, находимыя доселѣ послѣ всененныхъ размывовъ берега.

Кромѣ эпитета „тихаго“, Дону слѣдовало-бы придать еще эпитетъ „непостояннаго“. Дѣйствительно, „непостоянно“ его въ своемъ теченіи поразительно. Наблюдая за нимъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, г. Гамалинскій замѣтилъ, что во время половодья, когда вся долина рѣки затоплена водою, главная струя теченія часто отклоняется отъ меженного русла, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оны образуетъ крутыя извилины, и при этомъ весьма часто прорываетъ въ долину новыя ложбины, иногда такихъ размѣровъ, что являюся новые рукава. Въ это-то время нерѣдко мѣняется и самое русло Дона, особенно когда послѣ половодья въ главномъ руслѣ остаются или „карчи“ (подмытые деревья или пни и корни), или затонувшее судно и заносится иномъ пескомъ и иломъ. Эти заносы совершаются такъ быстро, что достаточно бываетъ иногда одной „карчи“ („карши“ тоже) на днѣ рѣки, чтобы около нея сталъ тотчасъ-же складываться песокъ; затѣмъ немедленно образуется около „карчи“ „носъ“ или „банка“, а „непостоянный“ Донъ прорываетъ себѣ новое русло въ ложбинѣ, съ которой воды его познакомились весной, въ половодье.

Въ предѣлахъ Донской области Донъ протекаетъ среди мѣстности, которую обыкновенно относятъ къ степной, не черноземной полосѣ. Но въ самыхъ долинахъ рѣки Дона, Хопра, Медвѣдицы находится слой весьма плодородной почвы, богатой перегноемъ и наноснымъ иломъ. Около этихъ-то рѣчныхъ долинъ и скучено большинство донского населенія; здѣсь-же болѣе замѣчается и жизни и разнообразія. Лѣсовъ по Дону вообще мало. Строительнаго лѣсу почти нѣтъ вовсе; а мѣстный дубилъ, топольникъ, осина и ольха идутъ на мелкія хозяйственныя подѣлки:—сколотить „одѣръ“, т.-е. телегу, сдѣлать незамысловатый хлѣбушокъ, выстругать древко для пики, вырѣзать таволожку для нагайки, снарядить борону, запастись пеньемъ—вотъ на что идетъ мѣстный лѣсъ. Строевой-же лѣсъ, „горячшина“ и „исплой товаръ“—все это идетъ „изъ Россіи“.

И въ степныхъ частяхъ Подонья и въ прирѣчныхъ экономическое состояніе края довольно жалкое вообще. И земледѣліе и скотоводство на первичной ступени развитія; о другихъ промыслахъ и говорить нечего—ихъ почти нѣтъ совсѣмъ. Земледѣліе до сихъ поръ ведется безъ сѣвооборота и называется „вольнымъ“—это значитъ, что подтаятая почва засѣвается разъ, засѣвается два раза, и такъ далѣе до истощенія, пока не перестаетъ совсѣмъ родить; тогда ее бросаютъ—земля „отдыхаетъ“, а вмѣсто нея начинаютъ истощать новую „цѣлану“. Объ удобреніи, конечно, не можетъ быть и рѣчи.

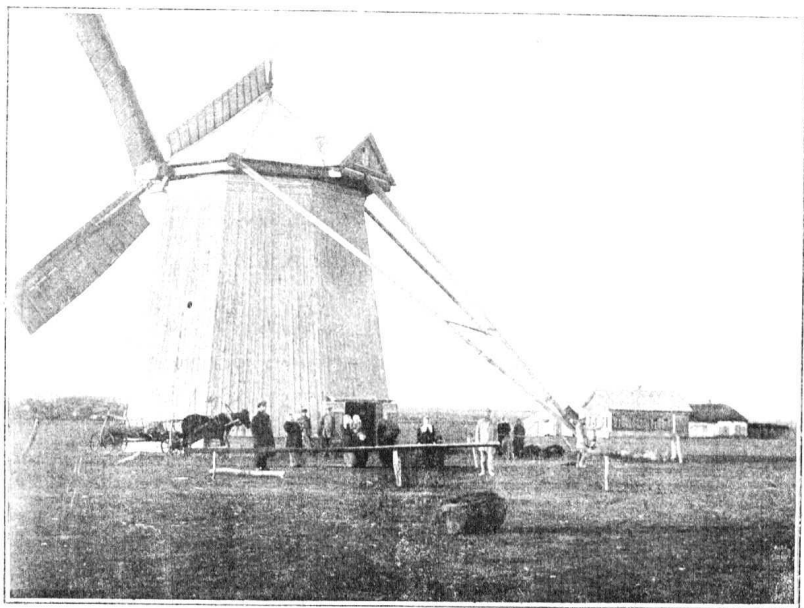
Посѣвы пшеницы и проса занимаютъ первое мѣсто въ земледѣльческомъ промыслѣ Дона. Казакъ почти не знаетъ ржаного хлѣба, который на югѣ Россіи вообще рѣдокъ, и его ско-

Усть-Мехлибидца. Видъ Кременскаго Вознесенскаго мужскаго монастыря (фотографія Е. В. Полякова).

рѣе знаютъ тамъ подь именемъ „солдатскаго“ хлѣба, чѣмъ „чернаго“ или „ржаного“. Точно такъ-же казакъ на Дону не знаетъ гречневой каши, которой онъ предпочитаетъ пшеничную. Каша на Дону играетъ вообще видную роль, и что особенно бросается въ глаза новичку, такъ это то, что казаки почти всегда ѣдятъ рыбу не съ хлѣбомъ, а съ пшеничной кашей. Привычка эта, намъ кажется, имѣетъ историческую основу. Въ былыя времена казакъ, постоянно играя роль сторожевой собаки, не имѣлъ времени думать объ удобствахъ жизни. Отправляясь въ поле, на линію, въ сосѣдство къ ногаямъ, онъ иногда запасался сухарями, если они были готовы, а чаще—гарничемъ или пудовой пшена да котелкомъ для варки каши. Каша какъ для донскаго и запорожскаго казака, такъ теперь для чумака и бурлака,—мать родная: „каша—мать наша“. Каша у него была и первое, и послѣднее блюдо за столомъ; она у него—и горячее и холодное; она-же замѣняла и хлѣбъ. Неудивительно, если казаку удавалось въ походѣ,

гдѣ-нибудь въ ближайшей рѣчкѣ или въ родномъ Донѣ, поймать рыбки или раковъ (а раковъ онъ ловилъ руками; рыбу-же, за неимѣніемъ бредня или другихъ снастей, частенько добрые молодцы заливали просто своими собственными штанами: снять съ себя казакъ штаны, благо—глушь, никто, кромѣ татарина не увидитъ,—сниметъ добрымъ дѣломъ штаны, а штаны у него всегда широчайшіе, какъ Черное море, перевяжетъ травкой штаны—вотъ у него и бредень, и верша, и сачокъ),—если, повторяемъ, казаку удавалось поймать рыбки, то онъ ее варишь въ своемъ котелѣ и кушалъ съ кашей, сваренной въ томъ-же или въ другомъ котелѣ. Вотъ почему, мы полагаемъ, и до сихъ поръ казакъ традиціонно кушаетъ рыбу не съ хлѣбомъ, а съ кашей.

Сельскія вѣтряныя мельницы близъ ст. Раздѣла Обл. Войска Донскаго (съ фотографіи).

Кромѣ пшеницы и проса на Донѣ сѣютъ овесъ и ячмень. Окрестности станицъ пестрятъ „бакчами“, засѣянными арбузомъ, дыней и тыквою, которую казаки называютъ „тыквою“ и очень любятъ. Они варятъ съ тыквою кашу, и „тыквинная“ каша считается лакомствомъ. Но все это культивируется казаками не для торговли, не на продажу, а для домашняго обихода. Истинный казакъ смотритъ на куплю и продажу какъ на что-то унижающее казачье достоинство: „капашъ“, „музланъ“, однимъ словомъ, русскій можетъ и долженъ покупать и продавать, а казакъ унижаетъ себя этимъ. Пишущій это помнитъ еще такіе случаи изъ своего дѣтства. Обучаясь въ Усть-медвѣдицкомъ окружномъ училищѣ, я, бывало, на каникулы ѣздить домой, на Медвѣдицу. Если случай задерживалъ бывало иногда насъ на ночь или на кормежку лошадей, то и не думай искать въ станицѣ купить что-либо, хотя-бы молока или яицъ.—„Мы

просимое или накормить охотно: „и моего соколика-большаго, можетъ, на чужой столѣтъ кто накормить“, поясняетъ она мотивы своего гостепріимства, вспоминая о своемъ „соколикѣ-большомъ“—о мужѣ или братѣ на чужбинѣ.—Потому торгашествомъ на Дону занимается исключительно забѣзій русакъ, какой-нибудь провоторна, котораго и называютъ-то всегда полуименемъ. Только въ Новочеркасскѣ и въ нѣкоторыхъ большихъ станицахъ 500 душъ изъ казаковъ увольнялись въ купцы; а теперь, говорятъ, ихъ ужъ увольняется тысяча—торгашество перестаетъ быть повидному презрѣннымъ для казака.

Вообще бѣдность промысловъ на Дону положительно бросается въ глаза. Даже огородничество такъ слабо, что, какъ замѣчаетъ изслѣдователь этого края, „сравнительно съ хозяйствомъ средней Россіи, гдѣ цѣлыя десятки десятинъ заняты картофелемъ и овощами, стран-

Однѣкъ казаковъ послѣ косяби (фотографія съ натуры).

ными кажутся отдѣльные кусты этого растенія, разбросанные въ огородахъ на десяткѣ квадратныхъ сажень“.

Нѣкогда въ Россіи возлагались надежды на донское виноградарство и на казачье винодѣліе. Думали даже въ „цымлянскомъ“ винѣ (изъ виноградниковъ Цымлянской станицы) видѣть русское шампанское. Уже царь Петръ Алексѣевичъ задумывалъ объ этомъ, но многое, о чемъ задумывалъ этотъ неугомонный „работникъ на тронѣ“, такъ и осталось за нимъ, за его памятью, не дохланнымъ. Преданіе гласитъ, что во время плаванія изъ Воронежа къ Азову на вновь построенныхъ корабляхъ, Петръ своимъ зоркимъ глазомъ подмѣтилъ, что почва нижняго Подонья способна была бы къ развитію на Дону винодѣлія, и для этого выписалъ изъ Франціи садоводовъ и виноградныхъ лозы. Лозы были посажены близъ Цымлы, хорошо принялись и дали хорошій плодъ. Изъ донского винограда стали дѣлать вино. Рассказываютъ далѣе, что Петръ былъ доволенъ первыми опытами донского винодѣлія, и, послѣ побѣды по Европѣ, когда онъ былъ въ Парижѣ и посѣтилъ Домъ Инвалидовъ, онъ, воротясь въ Россію, послалъ будто-бы ветеранамъ Людовика XIV нѣсколько бочекъ донского вина.

Какъ бы то ни было, по вынодѣіе на Дону почти не привилось, а если и существуетъ, то въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ. Да и какъ оно можетъ процвѣтать, когда для этого нужны свободныя рабочія руки, а Донъ ими не располагаетъ. Правда, въ Новочеркасѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ станицахъ можно найти донское вино; но его мало, и оттого потребление его, даже на мѣстѣ, не вошло въ обиходъ жизни. Это не то, что въ Крыму или на Кавказѣ, гдѣ мѣстное вино получило гражданство и гдѣ доступныя на него цѣны сдѣлали потребление его общераспространеннымъ.

Такимъ образомъ, волей-неволей, вся производительность края почти исключительно направлена на земледѣіе, потомъ на скотоводство и въ самой нижней части Подонья—на рыболовство. Но при всемъ томъ, какъ мы сказали выше, донское сельское хозяйство далеко не достигаетъ того уровня, какой соответствовалъ-бы условіямъ территории. По свидѣтельству

Донскіе класки за полковой работой (фотографія съ натуры).

лицъ, знакомыхъ съ условіями донского хозяйства, *только треть казацкихъ семействъ вовсе не заботится своихъ полей* и только одна треть населенія ведетъ необходимое хозяйство, на поддержаніе котораго, по мѣстнымъ условіямъ почвы, потребно отъ четырехъ до пяти паръ рабочихъ воловъ, нужныхъ только для одного плуга. А между тѣмъ свободной земли на Дону болѣе чѣмъ достаточно. И вотъ, вслѣдствіе этого, пустующія земли отдаются большими участками русскимъ гуртовщикамъ-прасоламъ для „нагула“ (выкармливанія) скота, закупаемаго каждою весною въ завожскихъ степяхъ у кочевниковъ. Но понятно, что такая сдача земель приноситъ ничтожный доходъ—отъ 20 до 40 коп. съ десятины! Это болѣе чѣмъ нищенскій доходъ. Неудивительно, что казаки тяготеютъ земскими учрежденіями: вѣдь на содержаніе ихъ да на земскіе сборы приходится, что-называется, драть съ той-же десятины, которая приноситъ доходу въ годъ—двугривенный...

Впрочемъ и этой бездоходной землей не всегда приходится пользоваться казакамъ, особенно бѣднымъ. На Дону обычаи добраго стараго времени еще крѣпки,—крѣпче чѣмъ гдѣ-либо

въ другомъ мѣстѣ. А эти обычаи были хороши только тогда, въ это доброе старое время; теперь-же и время стало злое и обычаи эти злы. Еще на нашей памяти дуга, напримѣръ, дѣлились бывало такъ („по-старинѣ“, „по-казацки“, „какъ непонѣвъ вѣну велось, при отцахъ и дѣдахъ“): весной, передъ сѣнокосомъ, выѣзжаетъ въ поле вся станица—и старые, и молодые; всѣ на коняхъ—ждутъ условнаго знака со стороны станичнаго атамана; наконецъ атаманъ даетъ знакъ—и станичники скачутъ въ разныя стороны по полю: кто въ извѣстное число секундъ что-ли успѣлъ обсканать, сколько ему хотѣлось, сѣнокоснаго поля, то онъ и считается своимъ, то онъ и „обсканиваетъ“, какъ-бы отмежевываетъ для себя. Ясно, что, при такомъ казацкомъ дѣлежѣ, одному скакуну достанется больше, другому меньше, одному лучшая часть поля или дуга, другому—худшая. Очевидцы утврждаютъ, что и пахатная земля дѣлится между казаками не съ большою уравнительностью, и въ большинствѣ случаевъ является весьма широкій просторъ для захватовъ всѣхъ лучшихъ земель наиболѣе вліятельными и богатыми изъ станичниковъ.)

Не болѣе утѣшительную картину представляютъ на Дону и коневодство, и скотоводство, и овцеводство.

Чему-бы, кажется, болѣе всего прощѣтать на земляхъ воинственнаго казака, природнаго кавалериста, какъ не коневодству? Конь—неразлучный товарищъ казака во всю жизнь: казакъ безъ коня толке, что солдатъ безъ ружья, полкъ безъ креста. Не даромъ у казака любимая походная пѣсня обращается къ коню:

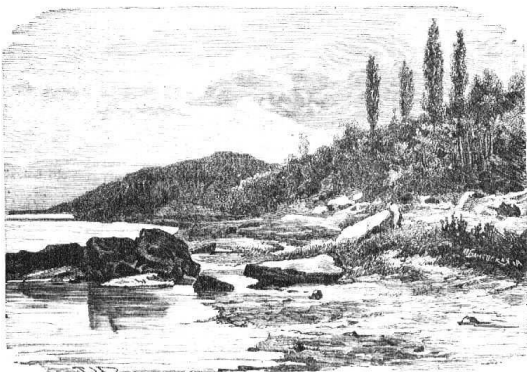
Душа добрый конь!

А между тѣмъ на Дону лошадей не хватаетъ. Есть богатые табуны у нѣкоторыхъ донскихъ помѣщиковъ, на югѣ Донской области, по Маньчугу и по степлямъ: у Пшовайскихъ, Коньковыхъ, Чернозубовыхъ и проч.

Есть табуны и у калмыковъ. Но у простыхъ казаковъ мало лошадей, да и то незавидныя. Среднимъ числомъ, въ средней части Донской области, на каждаго жителя приходится 0,3 лошади—*треть лошади на человека*: это отношеніе оказывается меншимъ, чѣмъ даже въ губерніяхъ средней полосы Россіи. И вотъ воинственный Донъ оказывается безлошаднымъ. Чтобы подобный выводъ не показался неправдоподобнымъ, мы должны сказать, что заимствуемъ его изъ официального донскаго источника—изъ „Списка населенныхъ мѣстъ Донской области“.

Въ пѣсколько болѣе благоприятномъ положеніи находится на Дону скотоводство. Крупный рогатый скотъ разводится тамъ, главнымъ образомъ, для исполненія земледѣльческихъ работъ, такъ-какъ на Дону пахутъ не сохой, а плугомъ; кромѣ того скотъ имѣетъ для казака важное значеніе въ видахъ полученія продуктовъ молочнаго хозяйства; но продукты эти самими-же казаками и потребляются, равно какъ и сырыя произведенія скотоводства—сало и кожа.

Одна овца играетъ нѣсколько болѣе видную роль въ мѣстномъ экономическомъ быту по отношенію къ торговлѣ внѣ предѣловъ области. Ея шерсть идетъ, при посредствѣ ярмарки въ Урюпинской станицѣ, въ Россію, на московскіе и другіе рынки. Но и тутъ изслѣдователи

Помѣщичьи животноводства въ д. В. Донского

экономической жизни края затрудняется разграничить—какое количество шерсти и самих овец поступает на съверные рынки собственно от донских казаков и какое от гуртовщинов-прасолов, лишь временно нагуливающих свой скотъ на донских пастбищахъ или только перегоняющихъ его черезъ Донскую область.

Какъ бы то ни было, по мѣстнымъ свѣдѣніямъ оказывается слѣдующее: отъ границъ Воронежской губерніи до Калача къ Дону прилегаютъ станицы—Казанская, Вешенская, Мигулинская, Букановская, Усть-Холерская, Александровская, Усть-Медвѣдницкая, Распоинская, Кѣйцкая, Перекопская, Кременская, Ново-Григорьевская, Старо-Григорьевская, Сиротинская и Еланская; въ этихъ станицахъ считается 156 тысячъ жителей обоого пола; лошадей—48 тысячъ; воловъ—398 тысячъ паръ; овецъ—457 тысячъ. Изъ этого выходить:

Лошадей . . .	0,3	на одного жителя.
Паръ воловъ . .	2,5	„ „ „
Овецъ . . .	2,3	„ „ „

Въ заключеніе этого очерка степного хозяйства, собственно въ среднемъ Подоньѣ, укажемъ на пути, которыми донское населеніе сбываетъ тѣ скудные избытки хлѣба, которые остаются у него за мѣстнымъ потребленіемъ.

Пути эти измѣнились сообразно съ настроеніемъ хлѣбныхъ рынковъ. Именно: грузы изъ той мѣстности, которая лежитъ между Усть-Холерскою и Кѣйцкою станицами, направляются гужомъ, частью непосредственно къ портамъ Азовскаго моря, въ Ростовъ, частью же на волжскія пристани: на Царицынъ, Дубовку и даже на Камышинъ (съ Медвѣдницы). Перевозка гужомъ, какъ она ни дорога, облегчается тѣмъ, что для казака есть всегда возможность получить грузы для обратной перевозки. Такъ, съ волжскихъ пристаней обратными поднодами перевозится дѣсь и деготь, а съ юга—маньшская соль и мануфактурные товары. Къ сожалѣнію, въ послѣднее время, вниманіе землевладѣльцами съ фурицковъ платы за подножный кормъ тягловаго скота въ степяхъ (чего прежде не было) стало неблагоприятно отражаться на извозѣ. Казаки сами возятъ свои хлѣбныя произведенія къ мѣсту сбыта въ томъ случаѣ, если пмѣютъ надобность запастись дѣсными матеріалами на волжскихъ пристаняхъ. Но обыкновенно сельскохозяйственныя произведенія сбываются на мѣстѣ торговцамъ, которые уже отъ себя и отправляютъ болѣе или менѣе значительныя партіи этого товара къ станицамъ Грязе-царицынской желѣзной дороги, для перевозки къ сѣверную Россію. Иногда же хлѣбъ идетъ до пристани на Дону, въ Чирахъ, а оттуда водою—къ Ростову. Но та часть донскаго (собственно медвѣдницкаго и холерскаго) района, которая прилегаетъ къ Грязе-царицынской дорогѣ, исключительно отдаетъ свои грузы этой послѣдней дорогѣ, ибо хлѣба на этой линіи скупаются не только московскими, но даже и рижскими агентами торговыхъ домовъ. Здѣсь уже, слѣдовательно, Балтійское море осиливаетъ моря южныя, и хотя Донъ катитъ свои воды на югъ, но продукты его уже начинаютъ тлѣтѣть и къ сѣверу. Къ сѣверу отчасти тлѣтѣтъ и донская рыба, о которой мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Перейдемъ теперь къ нижнему Подонью. Оно начинается тамъ, гдѣ Донъ въ своемъ теченіи наиболѣе приближается къ Волгѣ и гдѣ много столѣтій тому назадъ предполагалось соединить воды этихъ рѣкъ каналами: сначала это хотѣли сдѣлать турки еще въ эпоху своего могущества, когда имъ принадлежало нынѣшнее русское южное поморье; потомъ думалъ соединить Волгу съ Дономъ царь Петръ Алексѣевичъ. Нижнее Подонье начинается собственно отъ Калача и Качадина.

Нижняя часть донской области многимъ отличается отъ той, которая орошается среднимъ Дономъ съ притоками: здѣсь производительность края разнообразнѣе; на этой половинѣ областной территоріи должна создаваться блестящая экономическая будущность края. Правда, и здѣсь земледѣльческая дѣятельность населенія находится въ первичномъ состояніи: та-же переложная

ОЧЕРКЪ I. ФИЗИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ, ПОЧВА И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

система и то-же жалкое пользованіе землею, что и въ среднемъ Подоньѣ. Но здѣсь, суровѣе, скотоводство получило болѣе развитія.

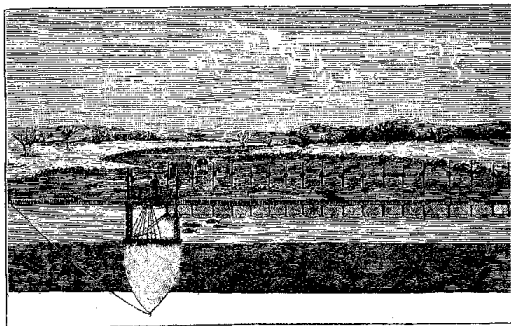
Вотъ цифры, нѣсколько освѣщающія экономическое состояніе нижняго Подонья.

Казачьихъ земель или „юртовъ“ на 175 тысячъ населенія считается около 1 $\frac{1}{2}$ милліона десятинъ. На каждый дворъ этой земли приходится около 52 десятины—казалось бы достаточно; плуговъ въ 3 пары воловъ на дворъ—0,6; лошадей на дворъ—1,8, на человека—0,3; рогатаго скота—на дворъ 12 штукъ, на человека—2, овецъ—на дворъ 22, на человека—3 $\frac{3}{4}$.

Такъ какъ въ этой части области живутъ и калмыки, то имъ на каждый дворъ или на выбѣгу приходится по 222 десятины, лошадей—около 10 штукъ, рогатаго скота около 15 головъ и овецъ—по 21.

Нижнее Подонье значительно оживленнѣе средняго тѣмъ, что здѣсь болѣе развито судостроеніе, и причина этого—близость Волги, однимъ словомъ, близость дѣловой и неутомимаго „музыканта“. Все, что производится въ районѣ бассейна Волги съ ея притоками—и сырье и обработанные продукты—все это идетъ съ Волги на Донъ по Волго-донской желѣзной дорогѣ и гужемъ, и все это сосредоточивается въ двухъ передаточныхъ пунктахъ—въ Калачѣ и Качалинѣ. Размѣры оборотовъ этихъ двухъ пристаней считаютъ въ 17 милліоновъ пудовъ.

Особенною дѣятельностью отличалась прежде Качалинская пристань, когда еще не существовало Волго-донской желѣзной дороги, а отъ Качалина шла желѣзно-конная дорога до Дубовки на Волгѣ: тогда все, что передавала Волга Дону и Донъ Волгѣ—все это шло черезъ Качалинъ. Теперь-же Качалинская пристань утратила большую долю прежняго значенія, потому что главное количество грузовъ,

Лодь ситани въ низовьяхъ Дона.

отправляемыхъ внизъ по Донѣ, сосредоточивается въ Калачѣ; а грузы, идущіе вверхъ по Донѣ и предназначенные для передачи на Волгу, теперь уже совсѣмъ не доходятъ до Качалина, а такъ-сказать перехватываются Калачомъ. Когда-то, въ дожелѣзнодорожное время, Качалинъ назывался „бурлацкою столицей“: это—когда еще и Хоперь и Медвѣдица сплавляли въ Донъ сотни барокъ съ хлѣбомъ и всѣ эти барки сходились и такъ-сказать сталкивались съ тѣми партіями товаровъ, которые шли съ Волги. Весной „бурлацкая столица“ представляла нѣчто поразжающее. Теперь-же болѣе оживленія въ Калачѣ.

Но Калачъ все-таки не убилъ Качалина—послѣдній пунктъ имѣетъ свое будущее. Причина, почему пунктъ этотъ все еще не утратилъ своей важности, заключается въ томъ, что Качалинъ—сосѣдь Дубовки на Волгѣ, а Дубовка—это пунктъ до такой степени окрѣпшій въ своемъ экономическомъ значеніи, что даже близостью Царицына, соединеннаго съ центральными губерніями и, можно сказать, со всею Европою посредствомъ Гризе-царицынской дороги и съ Дономъ, а слѣдовательно и съ южными морями посредствомъ Волго-донской желѣзной дороги,—даже этой близостью Царицына онъ не можетъ быть подорванъ. Вся сила Дубовки—въ выгодномъ орографическомъ положеніи: здѣсь начало развѣтвленія низовой части Волги на рукава и потому отсюда всѣ сплавляемые по Волгѣ на судахъ и плотахъ грузы, приобретаемые низовыми купцами, могутъ съ удобствомъ разсыпаться сплавомъ, по мѣрѣ надобности, во всѣ

рукава Волги. А Царицынь этого сдѣлать не можетъ, потому что лежитъ ниже начала одного изъ главныхъ рукавовъ Волги — Ахтубы. Поэтому, въ союзѣ съ Дубовкой Качалинь должень расти, но не падать, хотя, конечно, расти не на счетъ Калача. У этого послѣдняго — своя экономическая роль. Калачевская пристань имѣетъ первостепенную важность по всему протяженію Дона, благодаря непосредственной связи съ рельсовымъ путемъ.

Что передаетъ Волга Дону посредствомъ Калача и въ чемъ, слѣдовательно пуждается Донъ, можно отчасти видѣть изъ слѣдующей цифровой иллюстраціи. Вотъ какіе грузы съ Волги поступили на Донъ въ Калачѣ въ одну изъ послѣднихъ навигацій:

Лѣсного матеріала около . . .	9 миллионъ пудовъ.
Желѣза и чугуна болѣе . . .	900 тысячъ.
Сельди и сухой рыбы болѣе . .	800 „
Дегтю и смолы болѣе	230 „
Хлѣба около	150 „
Масла разнаго болѣе	115 „
Мануфактурныхъ товаровъ болѣе.	107 „

Затѣмъ идутъ — пеньковые товары, стеариновые свѣчи, игра, артиллерійскія принадлежности, стекло и посуда, мыло, писчая бумага, керосинъ и проч.

Но Донъ перевозитъ также и грузы своей территоріи, не одни волюнтаріе товары, хотя собственно донскихъ грузовъ очень мало: это хлѣбъ, льняное сѣмя, а въ послѣдніе годы — антрацитъ. Болѣе другихъ отправляются грузы съ приставей въ станицахъ Нижне-Чирской, Цымлянской, Константиновской, Семикаракоровской и Мелеховской. Въ Нижне-Чирскую станицу часто доставляются грузы изъ района среднего Подонья — отъ устья Хопра до Кляшской станицы. Въ Цымлянскую грузы стягиваются потому, что отъ этого пункта до устья Донъ не представляетъ значительныхъ перекатовъ, между тѣмъ какъ выше Цымлы, на небольшомъ отъ нея разстояніи, находится нѣсколько перекатовъ, вслѣдствіе чего грузы изъ поселеній, лежащихъ по Дону выше Цымлы и по Салу, находятъ болѣе удобнымъ доставлять къ Цымлянской станицѣ лужемъ и здѣсь уже грузить на суда. Большею частью перевозка грузовъ совершается здѣсь на парусныхъ морскихъ лодкахъ, но частью грузятся тутъ и догружаются пароходныя баржи. Константиновская пристань притягиваетъ къ себѣ грузы тѣхъ поселеній, которыя расположены по сѣверному Донцу, ибо Константиновка находится у его устья.

Наконецъ, Мелеховская станция притягиваетъ къ себѣ изъ Грушевки антрацитъ. Погрузку антрацита начали производить здѣсь очень недавно, и именно съ тѣхъ поръ, какъ общество донского пароходства устроило въ Мелеховкѣ складъ каменнаго угля для своихъ потребностей въ виду того, что разстояніе этого пункта отъ грушевскихъ каменноугольныхъ копей — только 25 верстъ, а окрестные жители находятъ для себя выгоднымъ перевозить антрацитъ по цѣнѣ около 2 к. съ пуда. Въ этомъ отношеніи Мелеховка предпочитается даже Аксаю и Ростову, несмотря на то, что они соединены съ грушевскими копями рельсовымъ путемъ.

Къ характеристикѣ нижняго Подонья слѣдуетъ присовокупить еще указаніе на два самостоятельныхъ промысла, которые могли бы играть важную роль въ экономической жизни Дона, еслибъ край этотъ не былъ поставленъ въ исключительныя условія, препятствующія правильному развитію его экономическихъ силъ. Мы говоримъ о промыслахъ рыбномъ и соляномъ.

Нижнее Подонье въ отношеніи рыбнаго промысла имѣетъ много общаго съ нижнимъ Поволжьемъ. Та-же близость моря, по временамъ буквально загроможденнаго рыбой, которая въ извѣстное время года заполняетъ собою всю рѣку и всѣ ея развѣтвенія; та-же близость соли и удобство ея добычанія для требованій рыбосоленія; но не тѣ-же такъ-сказать рабочія условія въ той и другой мѣстности: Донъ не можетъ конкурировать съ Волгой, потому что донскому